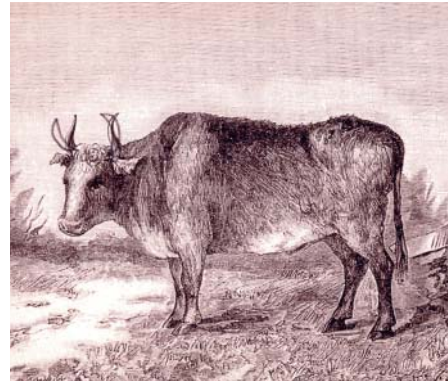

Языческие верования и обряды

Из путевых дневников

Герарда Фридриха Миллера

А.Х. ЭЛЕРТ

Значительное место в экспедиционных рукописях Г.Ф. Миллера отводится характеристике духовной культуры аборигенов Сибири, их мировоззрения. Наиболее полно в записях путешественника представлены материалы по следующим проблемам: божеества и духи, их влияние на судьбы людей; шаманы как посредники между людьми, божеествами и духами; душа у человека и животных; представления о болезнях и смерти; погребальный культ и потусторонний мир; тотемические, промысловые, родовые и семейные культы; культ коня; магия (лечебная, любовная и др.); разного рода гадания и предсказания. Как и многих других путешественников, его особо интересовал сибирский шаманизм. За время путешествия по Сибири Миллер встретился со многими десятками шаманов, присутствовал на сеансах их камланий, на проводимых ими обрядах жертвоприношений. К одним из них он специально приезжал, других вызывал для расспросов в город и, как правило, добивался откровенности, получая подробнейшие сведения по самым разным аспектам шаманского мировоззрения и

обрядности. Нередко в таких встречах одновременно принимали участие несколько шаманов. Так, в ночь с 6 на 7 августа 1738 г. в одном из бурятских улусов свое искусство ученому демонстрировали пять шаманов и две шаманки.

По мнению Миллера, для шаманов их занятия были своего рода ремеслом, которым они зарабатывали себе на жизнь. Немало места отводит ученый описанию разного рода ухищрений, с помощью которых шаманы вынуждали людей, больных или тех, кого удавалось запугать, тратить на камлания (для жертвоприношений и вознаграждения шаману) скот, меха и другое имущество. Рассказывая о якутских шаманах, ученый сообщает, что, посещая в первый раз больного, они не надевали шаманской одежды и не брали с собой бубна: они якобы лишь выясняли, кто из «чертей» похитил душу больного, и вели с ним предварительные переговоры о жертве, которой тот мог бы удовлетвориться взамен этой души. В некоторых случаях шаманы объявляли результаты переговоров неблагоприятными и признавали свое бессилие. Миллер объясняет это так: «Создается

впечатление, что эта церемония проводится шаманом, может быть, лишь для того, чтобы он мог прежде как следует осмотреть больного и определить, не находится ли он, возможно, уже в таком состоянии, когда нет совершенно никакой надежды на выздоровление. Там, где он это видит, шаман не испытывает свое искусство на больном, с тем, чтобы оно не могло быть дискредитированным последовавшей затем смертью пациента». Нередко шаман, который во время камлания у больного должен был спуститься в подземный мир за душой, по возвращении объявлял о том, что ему удалось заодно освободить и обнаруженные в преисподней души некоторых присутствующих. «А некоторым другим, — пишет Миллер, — он говорит, что не смог добиться освобождения их душ, и это он обычно объявляет самым богатым и знатным, с тем чтобы это могло принести ему новый заработок. Ибо подобные люди пугаются по этому поводу, приглашают шамана к себе для камлания, и при этом вновь закалывается жертвенная скотина...». Правда, ученый признает, что наряду с корыстолюбивыми шаманами были и «честные», довольствовавшиеся ничтожным вознаграждением или вовсе обходившиеся без него.

Рассказывая о разного рода чудесах, на которые якобы были способны «сильные» шаманы (исчезновение связанного шамана из юрты, протыкание тела ножом, хождение босиком по раскаленным углям, натирание лица этими углями и т. п.), Миллер неизменно дает им рационалистическое объяснение. После многократных наблюдений за камланиями ученый пришел к выводу, что проделываемые шаманами «фокусы» могут произвести впечатление лишь на простодушных или неискушенных людей, которые впервые сталкиваются с подобными действиями. Всякий раз, узнав о каких-либо «чудесах», он не успокаивался до тех пор, пока не находил ответа на вопрос, каким образом они проделывались в действительности. Так, наблюдая сеанс камлания, в ходе которого шаман натирал лицо раскаленными углями, он пришел к выводу, что секрет кроется в ловкости рук шамана, который подносил к лицу пригоршню углей, но уже в первые мгновения эти угли просыпались между растопыренными пальцами и в руках оставалась лишь зола. В одном случае Миллер даже протокольно оформил в Якутской канцелярии «скаску» шаманки «в славе», искусство которой он испытывал дважды в присутствии свидетелей.

Представления Миллера о шаманах как сознательных обманщиках полностью разделял и его товарищ И.Г. Гмелин. Чрезмерная категоричность и односторонность такого взгляда ученых на шаманизм и шаманов стала очевидной для исследователей лишь свыше века спустя. Более высокого мнения был Миллер об актерских способностях шаманов, в особенности, когда они представляли путешествие в подземный мир, во

время которого должны были преодолевать различные препятствия, вести переговоры о возвращении души больного. Мгновенные перевоплощения шамана в гагару, владыку подземного мира, его жену, слуг, самого себя, скачущего на коне-бубне, и т. п. он сравнивает с игрой в театре актера, изображающего сразу несколько персонажей.

У народов со слабой социальной дифференциацией шаманы выполняли разнообразные и, зачастую, очень важные функции. В кризисных ситуациях они нередко играли консолидирующую роль в обществе. Среди дневниковых записей Миллера имеются рассказы о знаменитых шаманах, выступавших в роли вождя рода или племени.

Интересны наблюдения Миллера относительно влияния шаманизма на русских жителей Сибири, среди которых появлялись даже собственные шаманы (в особенности на Северо-Востоке). Многие сибиряки-русские, в том числе воеводы и другие представители царской администрации, были уверены в могуществе и сверхъестественных способностях шаманов и прибегали к их помощи.

В совокупности материалы Миллера о языческих верованиях сибирских аборигенов и шаманизме составляют многие сотни страниц рукописного текста на немецком языке и затрагивают практически все проблемы, связанные с этим феноменом. Больше всего таких материалов посвящено мировоззрению якутов, пантеону якутских божеества и духов (с указанием более ста их имен, иерархического положения, функций и т. д.), а также шаманской практике и разного рода языческим обрядам. Только описанию Ысыаха — главного якутского праздника кумысного жертвоприношения божеествам и силам природы (сейчас он широко отмечается как национальный праздник встречи лета) — посвящено около 50 страниц. Некоторое представление о содержании этих материалов дает публикуемый ниже фрагмент полевого дневника Миллера с описанием якутского обряда жертвоприношения.

Г. Ф. МИЛЛЕР

Описание якутского обряда ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Якутская колдунья. Рисунок второй половины XIX в.
Народы России: Живописный альбом. СПб., 1880

Девятнадцатого и двадцатого июня 1737 г. видел у якутов в семи верстах ниже города Якутска, как они приносят жертву своим чертям.

Для жертвоприношения был предназначен годовалый теленок красной масти, и его привязали к березе, посаженной специально для этого перед летней юртой таким образом, что он был поставлен головой к открытой двери юрты.

В юрте находился шаман со своей якутской компанией — шаман посередине, а простые люди вокруг него. Начало было с обыкновенным битьем в бубен и непрерывными криками, производимыми шаманом, как обычно сначала сидя, а затем прыгая. В своем притворном экстазе шаман также изрядно колотил всех окружающих якутов и при этом сломал свою колотушку

для бубна, но вместо нее ему сразу сунули в руку другую, так как на этот случай в запасе всегда держатся одна или две такие колотушки.

Во время битья в бубен теленок перед юртой вел себя очень дурно и несколько раз распластывался на земле. Якуты объясняли это его боязнью перед чертями, которых подманивает шаман, однако это вызывалось ничем иным, как тем, что теленок видел перед собой громко кричащего и постоянно очень сильно бьющего в бубен шамана. Шаман дважды, после того, как бросал бубен и колотушку из рук на землю, выпрыгивал из юрты и обхватывал шею теленка, очень сильно сдавливал ее, так что от этого теленок скалился, а также раздирал ему рот и дул в него. При этом он также кричал. Якуты говорят, что шаман таким образом загонял в теленка всех

чертей, которых он подманивал, и от этого теленок вел себя очень дурно. У меня было подозрение, что шаман во время сдавливания шеи и раздирания рта мог применить где-нибудь колючку, от которой теленок мог затем дурно вести себя, скалиться и прыгать. Однако последнее показало, что этого ни разу не произошло. Еще меньше оснований полагать, что в игру был впустан черт, так как теленок оставался точно таким же, как и до того, а после окончания битья в бубен вел себя совершенно спокойно. Казалось даже, что во время битья в бубен теленок вел себя гораздо спокойнее, чем в самом начале церемонии, ибо со временем он привык к этому.

При церемонии с теленком шаман во время битья в бубен неоднократно призывал, чтобы черти, которых он называл поименно, и прежде умершие шаманы

удовлетворились этой жертвой вместо него. Обычно же, когда подобная церемония совершается ради больного, шаман просит, чтобы черти и умершие шаманы забрали и сожрали намеченную жертву вместо больного. Ибо они верят, что черти и шаманы губят и пожирают людей.

После окончания церемонии с теленком, шаман совершил церемонию, заключающуюся в том, что он через определенные промежутки времени как обычно бил с громким криком в бубен и бросался плашмя животом и лицом на землю в южной стороне юрты головой к стене, повторив последнее девять раз. Каждый раз он лежал лицом и животом на земле около четверти часа, шевелил пальцами, как если бы кого-то манил, и часто подергивал ногами. Иногда он также кричал

...У якутов все жеребцы в особом почете, так что на них никто не ездит верхом и в подводы их дают не иначе, как при крайней нужде. Тех жеребцов, которые имеют белую или бледно-серую масть, они освящают с помощью шаманов (Г. Ф. Миллер)

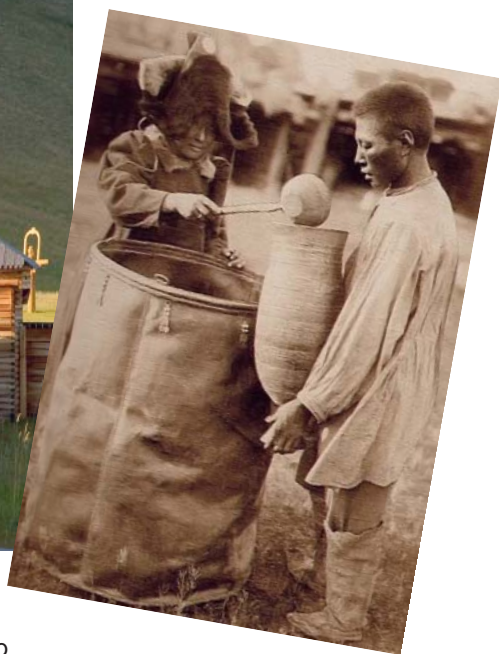
Уникальные экспонаты из Ленского историко-архитектурного музея-заповедника «Дружба»: традиционные якутские жилища — летняя хижина из бересты, зимний балаган, детская одежда, люлька, посуда для кумыса, копия Спасо-Зашиверской церкви из музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН

наподобие гагары, притворялся, будто хочет встать, но якобы не может. Разъяснение якутов при этом такое. Черти живут в земле на глубину девяти ярусов. Каждый ярус заселен чертями особого рода, и все они должны быть преодолены, пока не прибудешь в нижний ярус знатнейшего черта, который имеет власть над остальными. По их, якутов, мнению, шаман в своем экстазе действительно проходит вместе с жертвенной скотиной через все девять ярусов и, наконец, доставляет скотину главнейшему черту. То, что он лежит на земле и вышеуказанным образом жестикулирует руками и двигает ногами, а также делает вид, будто бы хочет встать, но

якобы не может, и что он кричит, как гагара, — все это означает, говорят якуты, что он должен под землей плыть, как эта водоплавающая птица. А когда шаман по достижении поставленной цели (яруса, который он должен был посетить) хочет вернуться назад, то он точно так же, как эта водоплавающая птица, которой очень трудно взлететь из воды, не может сразу подняться. Между тем шаман, полежав некоторое время на земле, всякий раз как бы снова приходил в себя и действовал так, как если бы он снова был на земле среди своих сородичей, которых он постоянно развлекал битьем в бубен и криками.

Фото В. Короткоручко

Место проведения якутского национального праздника ЫСЫАХ (Кангаласский улус)

...Один юракский шаман, который в юности жил у русских промышленных на р. Енисее в качестве раба и был крещен, а также еще 15 лет после крещения исповедовал христианство, однако впоследствии сбежал снова к юракам и стал у них шаманом, имел, говорят, такую большую славу, что являлся знатнейшим шаманом своего времени. Он будто бы раздевался донага и протыкал тело большой пальмой, так что каждый мог видеть, как пальма входила в тело с одной стороны и выходила с другой. Он также разрезал живот поперек так, что внутренности вываливались ему на таз, после чего он некоторое время лежал как мертвый. Однако вскоре затем он снова оживал и тогда помещал внутренности опять в тело и один раз с громким криком (Ho!) хлопал обеими руками по телу, после чего у него больше ничего не было видно, и он вставал здоровым. Промышленный Панзируев утверждает, что и то и другое он видел собственными глазами и клянется, что оба раза вся верхняя часть туловища у шамана была голой. Юраки сказали Панзируеву, что шаман иногда разрезает себе грудь, вырывает из нее сердце, держит его некоторое время вверху и трясет, затем снова помещает его в тело и ударом заживляет рану (Г. Ф. Миллер). РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 310 об.—311

Хомус — древний инструмент шаманской практики

Наконец, когда он упал в девятый раз, чтобы получить аудиенцию у знатнейшего черта в девятом ярусе, то обнаружилось много затруднений, прежде чем он был впущен слугами в приемную. Он долго спорил с ними, и это было, как если бы актер в театре одновременно представлял и имитировал трех или четырех персонажей. После того как шаман все же получил аудиенцию, точно так же было обставлено и со знатнейшим чертом. Последний вначале не хотел принять жертву и говорил, что она так ничтожна, вот если бы это была хотя бы

трех- или четырехлетняя скотина, то она еще могла бы подойти. Он спрашивал также, от какого это больного. Шаман, со своей стороны, учтивейшим образом извинялся и на все держал ответные речи. Супруга черта, которая представилась больной и жаловалась, сказала, наконец, доброе слово шаману, после чего черт принял жертву. Сразу после этого шаман стал вести себя так, как если бы он хотел что-то поймать, а слова, которые он при этом выкрикивал, означали, что он ловит телят, который вырвался с того места, где его оставили привя-

занным. Далее — как если бы он находился между двумя дерущимися партиями. Это означало, что в подземных жилищах имелась еще одна рогатая скотина, которая бодалась с телятком, приведенным им. Но телятенок одолел ее. Далее: шаман хватал себя за волосы, тащил их вместе с головой к земле и, кроме того, принимал позы, соответствующие борьбе. Это означало: черти ссорились и дрались между собой из-за жертвенной скотины, которую он им доставил, так она была им всем приятна.

Во время всего действия у высшего черта шаман часто кланялся головой до земли, большую часть времени, пока он был указанным просителем, он стоял на коленях и, наконец, когда он хотел возвращаться, сказал: «Господин черт, что я должен еще сказать — ты сам все знаешь лучше всех. Только непременно приходи завтра и не отвергай жертву, которую мы принесем тебе». Черт в ответ пообещал прийти и пригласил также всех якутских гостей, находившихся в юрте, к поеданию жертвы. С этим шаман встал, повернулся и продолжительное время пропрыгал галопом к северной стороне юрты. Это означало, что он возвращается верхом. Наконец он упал в притворном обмороке и посредством многократного высекания огня над его головой вновь приведен в чувство. Конец этого вечера. Телятенок, которого после совершения первой церемонии привязали к дереву недалеко от юрты, остался таким образом стоять ночь, и каждый лег спать.

На следующий день, вскоре после восхода солнца, началось жертвоприношение. Примерно в 1/2 версты от юрт (в других случаях это бывает и дальше) для этого было отыскано место, где приблизительно в 2–3 сажнях друг от друга с востока на запад стояли два дерева. На этих деревьях топором были изображены (не шаманом, а другим, обычным, якутом) девять личин — на одном дереве шесть, на другом три. Якуты говорят, что в данном случае неважно, сколько личин на каждом дереве. Ибо, если, к примеру, поблизости находятся три дерева, которые к тому же не очень толстые, и, соответственно, на них мало места для личин, тогда их изображают на всех трех деревьях, только их число должно в сумме равняться девяти. Можно поверить, что изображения должны были быть очень грубыми и неузнаваемыми. Каждая щека формируется одной или двумя плоскими насечками, нос между ними остается природной корой дерева, а рот представляют две глубокие поперечные насечки. Глаза, лоб и т.д. не видны.

Между двумя деревьями или невдалеке от них к югу на землю были положены друг подле друга девять поленцев, каждое длиной в аршин; все они очень грубо изображали рыб и были ориентированы головами на юг. Они, как и вышеописанные личины, должны были обозначать умерших шаманов. А причиной изображения рыб указывается то, что шаманы в земле и под землей

должны передвигаться с места на место как рыбы.

Еще до рыб в небольшом отдалении к югу были посажены девять молодых березок в ряд с востока на запад, не все на одинаковом расстоянии друг от друга. Из белых конских грив была скручена тонкая веревка толщиной с бечевку и длиной в девять сажней (а именно, ручных сажней), и к этой веревке на расстоянии приблизительно в пол-аршина друг от друга было привязано понемногу свисающего конского волоса, также из белых грив. Эта веревка была закреплена на девяти березках с востока на запад таким образом, что лицевыми сторонами она оказалась обращенной на юг и север.

Эта и последующие три страницы являются в некоторой степени вставкой.

Это действие с девятисаженной веревкой имеет, говорят, следующее значение. Так как шаман прошлым вечером ездил под землю на глубину девяти ярусов, где он миновал девять мест такого рода, на которых обычно якуты ввиду почтения что-нибудь вешают, то эта веревка в девять сажней посвящена этим различным девяти местам. Количество висящих на ней прядей и расстояния между ними значения не имеют.

Они имеют обыкновение еще и помимо этой церемонии в известных местах, которые в сравнении с другими выделяют почтением, таких, как Кангаласский и Сергуев Камень и р. Лена, вешать точно такие же веревки в девять сажней. При этом они говорят, например: «Это я подношу тебе, Сергуев Камень, для твоих девяти сыновей и девяти дочерей». Такое выражение имеет форму поговорки: когда якуты хотят пожелать кому-либо что-то доброе, то желают ему, чтобы он получил девять сыновей и девять дочерей. Другим урочищам, которые являются не столь значительными, они вешают веревки в шесть, пять, четыре сажени или еще меньше и даже из одной кисточки, которую проезжающий срезает с гривы коня. Все, что якуты вешают в знак почтения к урочищам, называется у них *Delbergè*, то есть повешенное. Это может быть что угодно и при каких бы обстоятельствах это ни произошло. Рыб (о которых выше) они называют *Lò-baligà*, то есть рыбы преисподней. *Lo* — это местопребывание главнейшего черта, которого они называют *Kütatài-töjön*, а его супругу — *Kütài-eimachsìn*, то есть старуха. У *Kütatài-töjön* а пребывают умершие шаманы, и они используются для посылок, чтобы убивать людей и доставлять их в преисподнюю равно как и остальные подчиненные черти выполняют такую же функцию. В преисподней людям плохо. Они живут постоянно во мраке и холоде. Туманно и всегда дурной запах. Черти и шаманы, которые доставляют их, калечат их: одному отрывают руку, другому — ногу. Почти все простые якуты немедленно поедаются, так что от них ничего не остается. Шаман говорит все же, что когда во время шаманства он миновал девять ярусов до преисподней,

то в пути часто видел многих лежащих людей, которые были сильно искалечены и жаловались.

Более детально путешествие шаманов в преисподнюю шаман представляет следующим образом. Они считают бубен своим конем, как будто они на нем скачут, а коло-тушку — плетью. С ними они едут под землю, минуют всевозможные места — чистые поля, луга, леса, озера и т. д. Когда они падают и поступают так, будто плывут подобно гагарам, то они минуют озера. Невдалеке по ту сторону этих озер находятся горы, а по дорогам через них живут черти, перед которыми они кланяются и приседают, потом встают. А таких гор и дорог через них, заселенных чертями, которые надо миновать, числом девять. После этого они прибывают к местожительству главного черта, или в преисподнюю.

Якуты верят, что и на земле все своеобразные и выдающиеся урочища, которым они обычно что-нибудь вешают, заселены особой категорией чертей, которым они приносят жертвы, вешая разного рода лоскуты и конский волос и бросая палку или прут. Все урочища у них женского рода, и они присоединяют к их названиям уважительные слова *Ebè*, то есть бабушка, и *Chotun*, то есть госпожа. Как, например: *Örüss-ebè*, то есть Лена, *Itik-chaià-ebè*, то есть Кангаласский и Сергуев Камень, *Gorod-ebè*, а также *Gorod-chotùn*, то есть Якутск, *Marcha-chotùn*, то есть речка Марха, *Ürüng-Köl-chotùn*, то есть Белое озеро немного ниже города Якутска. *Ebè* знатнее, чем *Chotun*. Якуты называют также город Якутск почтительно *Ebè*. Например: «Откуда ты идешь?» Ответ: «*Ebè-t'-tèn*» — от бабушки (то есть из города).

Продолжение о церемонии жертвоприношения. Жертвенная скотина была привязана к дереву, которое находилось, если обратиться лицом к югу или к вышеописанным приготовлениям, слева. Я спросил, всегда ли она находится у дерева слева, так как предположил, что поскольку это дерево стояло к востоку, то и в этом могло что-то обнаружиться. Однако на это я получил отрицательный ответ. Выбирают лишь более тонкое дерево, а делается это потому, что шкура скотины затем должна быть установлена на срубленной верхушке данного дерева, что в случае с очень толстым деревом гораздо сложнее сделать и требует работы.

Перед деревьями, приблизительно в одном или двух шагах к северу от них, в землю были воткнуты две деревянные развилки в половину человеческого роста высотой, остриями вверх. На остриях были закреплены узкие доски примерно в два пальца толщиной и в один аршин длиной. На этих досках были поставлены и закреплены маленькие вырезанные из дерева чашечки — пять на одной доске и четыре на другой, в общей сложности девять. Эти чашечки называются *Tschogotschok*. Развилка с пятью чашечками *Tschogotschok* стоит посередине перед обоими деревьями, а другая — несколько левее. Первая посвящена чертям и умершим шаманам мужского рода,

а вторая — женского. Ребра досок, на которых были закреплены чашечки *Tschogotschok*, обращены на юг.

Еще перед развилками, а именно, на незначительном расстоянии к северу от них, прямо перед левым деревом, к которому была привязана жертвенная скотина, якуты поставили лабаз, по-якутски *Aragàs*, приблизительно в человеческий рост высотой. Этот лабаз был покрыт березовыми ветками. Перед лабазом был разведен костер, у которого стояло в общей сложности девять глиняных горшков, пять с одной стороны и четыре с другой, чтобы варить в них мясо скотины, которую должны были забить.

Скотину забил не шаман, а другой простой якут, который во время всей церемонии выполнял роль дьякона при шамане. Скотину повалили на землю головой на юг. Забойщик вначале сделал разрез на брюхе, повдоль него, чуть ниже грудины, запустил в разрез руку и (как мы увидели затем при вскрытии) оторвал аорту чуть ниже сердца. Аорта по-якутски, *Sisin-üëse*, то есть спинная артерия. И в обычной жизни забой у якутов осуществляется таким же образом. Причина, которую они указывают, заключается в том, чтобы тем самым не могла быть упущена кровь, которая считается у них большим деликатесом. Со скотины сняли шкуру, но все же таким образом, что она оставалась лежать все время на спине. Голова, исключая язык и мясо с челюстей, а также четыре ноги, считая от коленей, остались со шкурой. После того, как с одного или другого бедра или с другой части туши шкура снята, сустав отрезается, но всегда в сочленениях, с тем чтобы не могла быть повреждена или сломана ни одна кость. Другие якуты режут мясо на маленькие куски и кладут их в девять горшков для варки. Бедренные жилы также отделяются и оставляются на шкуре. Они также вырезают из коленных чашек мускулы, а из коленных суставов куски жира. К этому они добавляют еще мочевой пузырь и сохраняют все это отдельно до окончания всей церемонии.

После того как была разрезана грудина, собравшуюся в ней кровь вычерпали в тую и, после сворачивания, ею были полностью вымазаны деревянные личины и вырубленные на деревьях личины умерших шаманов в качестве жертвы для них. Остальная кровь была помещена в кишки, сварена и съедена вместе с остальным мясом. Кишки и желудок были лишь грубо выдавлены и несколько очищены от находившихся в них нечистот, но не вымыты. Они почти не моют ни пищу, ни посуду. Печень была порезана на куски, обвернута куском сети и сварена. Это любимейшее лакомство якутов, которое они называют *Togotschò*. Они также жарят печень маленькими кусками на огне.

Тем временем, пока мясо, кишки и потроха варились, шкура была водружена на дерево слева следующим образом. У дерева была срублена верхушка, на нем

в направлении с севера на юг закреплена поперечная деревяшка длиной со шкуру, и на эту деревяшку повешена шкура головой на юг. Такая повешенная шкура называется по-якутски *Kerjäch-Tiritè*, то есть жертвенная шкура (вся церемония жертвоприношения, которую русские называют словом жертва, по-якутски называется *Kerjäch*). Вешанье шкуры всегда осуществляется одинаковым способом, за исключением тех мест, где нет деревьев. Тогда они вбивают в землю два кола с поперечной жердью длиной со шкуру и вешают на нее шкуру. Это делается главным образом лишь тогда, когда они жертвуют высишим, или воздушным, чертям, и в этом случае нет церемонии с шаманскими личинами и деревянными рыбами, а также путешествия шамана в преисподнюю.

После того как мясо было сварено до полуготовности, его достали из горшков и положили на лабаз. В тую налили бульона и нарезали кубиками часть легкого. Затем они вначале наполнили девять маленьких чашечек в качестве пищи приглашенным чертям: в каждую чашечку немного бульона и кубик легкого. А после этого шаман и его дьякон побрызгали чертям бульона и мелко нарезанного легкого вверх и вперед на землю. Бульон и легкое каждый раз в одной ложке. Кому они брызгают по порядку:

1. *Kutatai* как главному черту, с его семьей и всеми чертями. *Kutatai* имеет также много детей. Каждому — поименно.

2. Поименно умершим шаманам, которые им известны или о которых у них имеются предания, что они из их рода. Церемония касается всегда лишь одного рода, а именно тех, которые принадлежат к роду того, для кого проводится жертвоприношение. Это может быть большой, или шаман может проводить церемонию для собственной персоны, что иногда также происходит.

3. Урочищам, а именно тем чертям, которые в этих урочищах пребывают.

Они также приглашают на мясо, лежащее на лабазе, всех чертей разом. Выражения при этом такие: господи черти и шаманы могут досыта наестся и за это тому, кто эту жертву им представил, даровать долгую жизнь. Затем, по завершении брызганья, шаман говорит главному черту: после того, как мы тебя угостили, можешь на коне, которого мы для тебя поставили (имея в виду повешенную бычью шкуру), вернуться домой.

После этого шаман и остальные якуты сели есть. Ветки с вареным мясом были сняты с лабаза и положены на землю. Якуты сели различными рядами без порядка, сначала ели сухое мясо, которое было начисто срезано с костей и маленькими кусками разделено между ними. Затем ложками ели бульон. После трапезы они сожгли кости, мускулы и куски жира, вырезанные при забое вышеуказанным образом из коленных чашек. Все установленные вещи, как-то шкура, маленькие чашечки,

веревка и т. д., так и оставляются и никем не трогаются, оставаясь так долго, как это позволяют ветер и погода. Шкуре они не поклоняются.

Некоторые шаманы, как, например, тот, кто проводил вышеописанную церемонию, не могут совершать жертвоприношения божествам посредством обычной весенней церемонии чоканья*. Они также не могут жертвовать божествам коней, считаясь нечистыми и грешными. Простые якуты говорят, что такие нечистые шаманы могут с помощью чертей околдовать и губить людей. Сами шаманы отрицают это, но признают, что имеют связь лишь с чертями и ни с кем из божеств.

РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 223 об.—236 об. Перевод с нем.

* Чоканьем русские называли обряд кумысного жертвоприношения (Ысыях), который сопровождался возгласами шаманов «чок!». Миллер сообщает: «Церемония, которую якуты имеют обыкновенно торжественно проводить весной, называется у них *Yssjèch*, то есть брызганье, поскольку она состоит преимущественно из этого. Русские называют эту церемонию чоканьем, так как шаманы во время нее часто выкрикивают слово *Tscho* или *Tschok*.» (РГАДА, ф. 199, портф. 507, ч. 2, л. 208 об.).

Современная скульптура на месте проведения якутского национального праздника ЫСЫАХ. Фото В. Короткоручко

Черно-белые фото — из монографии якутского этнографа Андрея Андреевича Саввина (1896—1951) «Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)» (Якутск, 2005)